

Роберт Манн

«ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Новые открытия

Языки славянской культуры
Москва 2009

ББК 63.4
М 23

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Манн Р.

М 23 «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. —
М.: Языки славянской культуры, 2009. — 96 с.

ISBN 978-5-9551-0323-5

В этой книге американский исследователь выдвигает новую теорию о возникновении «Слова о полку Игореве». Он указывает на ранее незамеченные параллели к тексту «Слова» в народных свадебных песнях и в самом свадебном обряде. Новые параллели, найденные им в былинном эпосе и древнерусских текстах, приводят его к новой реконструкции ранней истории былин о крещении Руси. Автор оспаривает широко принятый взгляд на «Слово» как на гениальную письменную поэму Киевского периода и пытается показать, что повесть о поражении Игорева войска впервые возникла как эпическая песнь и долгое время передавалась изустно, часто меняясь по форме и содержанию. На каком-то этапе — не раньше 1215 г., по мнению Манна, — слова песни были записаны. Летописные сводки о битве 1185 г. отражают не письменный текст «Слова», а различные варианты эпической песни о походе Игоря. Р. Манн находит ключ к некоторым из загадочных терминов «Слова» — таким как *хинова*, *Каяла* — в древнерусском свадебном обряде, послужившем важным референтом в метафорической канве «Слова». Он указывает на необыкновенные отголоски песни о полку Игореве в уникальном тексте «Сказания о Мамаевом побоище», изданном в 1835 г., а впоследствии проигнорированном учеными. Текст 1835 г., по мнению Манна, — из ранней редакции, послужившей прототипом для всех известных редакций «Сказания».

ББК 63.4

В оформлении обложки использована
гравюра В. А. Фаворского «Вторая битва с половцами» к «Слову о полку Игореве»

ISBN 978-5-9551-0323-5

© Р. Манн, 2009

© Языки славянской культуры, 2009

Пропавший лист в начале «Слова о полку Игореве»

Первый же глагол в «Слове о полку Игореве» — глагол прошедшего времени *бѣшетъ*: «Не лѣпо ли ны *бѣшетъ*, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пѣлку Игоревѣ, Игоря Святъславлича!» Первые издатели «Слова» решили, что в данном случае *бѣшетъ* — уникальная форма сослагательного наклонения или же имперфект, выполняющий функцию сослагательного наклонения. Согласно этой интерпретации «Не лѣпо ли ны *бѣшетъ*» значит: *Не лѣпо ли нам было бы...*¹ Такой вывод, на первый взгляд, кажется вполне оправданным. Ведь это же *начало* повести! Повествователь *начинает* с этих слов, поэтому *бѣшетъ* не может быть прошедшего времени. Так считали все исследователи «Слова» в течение двух веков.

Однако есть определенные основания считать начало нашего текста «Слова» неполным. Других примеров употребления *бѣшетъ* в функции сослагательного наклонения в древнерусских памятниках не обнаружено². Обычные формы сослагательного

¹ О. В. Творогов указал на исключительность глагола *бѣшетъ* в сослагательной функции. См. его комментарий: Слово о полку Игореве (Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1967. С. 466.

² Имперфект *подобаше* выполняет функцию сослагательного наклонения (*подобаше* = *подобало бы*), но этот исключительный случай объясняется специфич-

наклонения последовательно употребляются через все повествование «Слова». Решающее значение имеет «Задонщина», произведение в какой-то мере подражавшее «Слову». Тот отрывок «Задонщины», который соответствует первым строкам «Слова», находится не в самом начале, а после краткого вступления. Более того, в этом вступлении повествователь упоминает «киевские горы» и Днепр — детали, вряд ли уместные в повести о событиях 1380 г., но тесно связанные с походом Игоря Святославича:

Взыдем на горы Киевския и посмотрим с равнаго Непра и посмотрим по всеи земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, с(ы)на Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусормановя (Список У, с. 535)³.

Нет сомнения в том, что южнорусские, киевские детали в начале вводной части «Задонщины» восходят к киевской эпической традиции. На основе лингвистических данных и киевских деталей во вступлении «Задонщины», предшествующем началу уцелевшего списка «Слова», можно предположить, что начало «Слова» пропало и наш список является неполным. Не хватает вступления, в какой-то мере соответствовавшего началу «Задонщины». Возможно, что на каком-то этапе сложной истории переписывания и хранения текста оторвался и затерялся первый лист той рукописи, которая впоследствии попала в руки Мусину-Пушкину.

ной историей этой глагольной формы в древнерусских переводах греческих текстов и частым цитированием Священного Писания вне временного контекста греческого оригинала (прошедшее время греческих текстов теряется из виду из-за неполного цитирования библейских слов, остается имперфект «подобаше» без наглядных показателей прошедшего времени. В результате «подобаше» воспринимается как синоним к «подобало бы»). Данное восприятие глагола *подобаше* укоренилось уже в Киевском периоде и значительно усилилось к XV в.

³ Все тексты «Задонщины» цитируются по изданию Р. П. Дмитриевой (Тексты «Задонщины»): «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 533—556. Цитируемые тексты определяются по системе сокращений, использованной Дмитриевой.

Эпическая песнь или сочинение писателя?

Уже давно в науке укоренилось мнение, что «Слово» является поэтическим сочинением, написанным талантливыми эрудированным автором. В советское время, несмотря на то что практически никто не выступал против такой теории, эту позицию упорно отстаивали. В разное время одинокие отступники — И. И. Срезневский, А. И. Никифоров, В. Ф. Ржига — высказывались за устное происхождение «Слова» и «Задонщины», но их аргументация обсуждалась в науке мало.

Может быть, история изучения «Слова» приняла бы совсем другой оборот, если бы исследователи сумели порвать с традицией и посмотреть свежим взглядом на вопрос о смысле родительного падежа в словах *«начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревъ»*. Принято рассматривать *«трудныхъ повѣстий»* как прямое дополнение глагола *«начяти»*. Разумеется, если «Слово» — произведение гениального писателя, тогда, казалось бы, «трудные повести о полку Игоре» не могли уже существовать до того, как автор писал первые строки «Слова». Ведь это автор сочиняет «трудные повести о полку Игоре», они вытекают из-под его пера! Таков ход мыслей, чаще всего подсознательный, лежавший в основе традиционного толкования этих слов. Взгляд на «Слово» как на произведение письменной культуры сковывал восприятие исследователей.

Традиционная интерпретация мало затрудняется вопросом о множественном числе (*трудныхъ повѣстий* вместо *трудной повѣсти*). Эта шероховатость объяснялась по-разному и всегда плохо. К примеру: «Слово» состоит из многих частей, каждую из которых можно рассмотреть как своего рода повесть... Это — невзирая на слова самого повествователя: *«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію»*. Повествователь сам использует единственное число, называя свое произведение «повестью». Короче говоря, наука нас ввела в маленький, темненький тупик.

Выход из тупика можно найти только за рамками традиционного подхода к «Слову» как к произведению письменности.

Если «Слово» — эпическая песнь, устное произведение, которое передавалось изустно в среде песнотворцев и по какой-то загадочной причине вдруг было записано, тогда фраза «старыми словами трудных повестей» становится ясной. Повествователь обращается к слушателям с риторичным вопросом о том, как он уже начал свою песнь — старыми словами эпических песней о походе Игоря. Песни о полку Игореви уже давно существовали, поэтому слова «старые». В устном эпосе текст постоянно варьируется, меняется с каждым исполнением, с каждым новым певцом, преобразовывается с течением времени. Песен об Игоре было много, поэтому мы находим фразу «трудныхъ повѣстий» во множественном числе. Родительный падеж — самый обыкновенный: «старые слова» относятся к «трудным повестям». С самого начала «Слова» (дошедшего до нас текста) повествователь указывает на устную традицию, которая породила его песнь о полку Игореви. Когда он называет свое творчество «песнью», он употребляет этот термин в самом прямом смысле. Это не какая-нибудь двусмысленная ссылка на подражание эпическим песням. «Слово» — текст эпической песни, записанной через несколько десятилетий после неудачного похода 1185 г. Вариантов этой песни было много, и к моменту записи их слова уже воспринимались как «старые».

Такой же вывод подсказывается историческими данными и множеством стилистических признаков, типичных для устного эпоса и нетипичных для письменного творчества. Все это мы обсудим ниже. Как мы увидим, некоторые детали «Слова» указывают на период после 1215 г. как наиболее вероятное время, когда наш текст «Слова» был записан.

На фоне легенд и эпических песней составлялись летописные сообщения о походе Игоря. Наиболее известные — в «Ипатьевской летописи» и в «Лаврентьевской летописи». Татищев использовал еще одну летопись, впоследствии пропавшую, в ходе его работы над «Историей Российского Государства». Все эти летописные рассказы различаются между собой в деталях и особенно в выборе событий, которые стоят на первом плане. Надо думать,

что они основаны, в частности, на различных вариантах эпической песни о походе Игоря.

Сразу после своего риторичного вопроса, хорошо ли ему начать свою песнь старыми словами эпических песней, повествователь еще раз ссылается на устный эпос: «Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню». Судя по характеристике Бояна, которую мы находим в «Слове», Боян жил за сто лет до создания песней о походе 1185 г. Повествователь отличает эпические песни — *былины* — своей эпохи от творчества древнего Бояна и заявляет, что его песнь должна следовать современным ему песням («былинам»). Исследователи оспаривают такое толкование слова «былина» и утверждают, что оно означает не песнь или повесть, а реальное событие или факт. «Задонщина» дает основание для такого возражения: «Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинамъ» (список У, с. 535). Тем не менее повествователь «Задонщины» вскоре характеризует свое собственное творчество как прославление московских князей пением и игрой на гуслях: «Аз же помяну резанца Софонія и восхваляю пѣснями гусленными словеса сего великаго кн(я)зя Дмитрея Ивановича...» (список У, с. 536). Поэтому «Задонщина» дает основание и для интерпретации «былины» в значении «эпической песни». Какое бы значение ни имело слово «былина» в Киевском периоде, ясно, что повествователь «Слова» исполняет эпическую песнь, а певец «Задонщины» следует по его стопам.

Поход Игоря и русская народная свадьба

Комментаторы «Слова» всегда обращают внимание на метафорическое изображение битвы как свадебного пира:

Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пирь докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилося.

Кровь и оружие ассоциируются с вином, враги со сватами, страшная резня — с пированием. В контексте свадьбы разлука Игоря с братом («Туся брата разлучиста») вызывает ассоциации с одним из ключевых моментов свадебного обряда — расставание невесты с семьей при переезде в дом жениха. «Пир» заканчивается, когда русское войско уже напоило «сватов» кровавым вином (т. е. угостило врага сколько смогло своими копьями и мечами) и «ложится» на поле битвы. Слова подобраны с оглядкой на последовательность действий в древнем свадебном обряде, в котором укладывание новобрачной пары следует за пиршеством в день венчания.

Специалисты обращают внимание на битву-пир, упуская из виду огромный изобразительный фон, основанный на ритуалах и песенных мотивах русской народной свадьбы. Чтобы представить себе полный охват свадебной образности в «Слове», нужно сначала ознакомиться с народной свадьбой, с ее древними обрядами, с ее лирикой и специфичной терминологией. Вспомним сначала ритуал величания и «хаяния». Когда новобрачные, гости и все участники свадьбы собираются в доме жениха после венчания, девицы начинают петь величальные песни — всем по очереди. Этот обряд продолжается долго. Обычно девицы действуют по старшинству, величая сначала родителей новобрачных и сваху. Тот, кого они хвалят и прославляют в своей песне, должен их наградить, опустив монеты в чашу вина, которую предлагают поющие девицы. Потом он выпивает вино и отдает стакан с монетами девицам. Если они довольны своей получкой, то переходят к следующему гостю. Если недовольны, они могут спеть издевательскую, корильную песню. Поругать кого-либо таким способом называлось по-разному в разных областях страны. В районе к северу от Вологды использовали термин «хинить»:

Похините, голубушки,
Цюжу дальнюю сторону,
Сторону-то немилую,

Деревню некрасивую,
Распрокляту Русаниху⁴.

Хинят люди-те добрые
Да чужово чуженина,
Чужа сына хресьенина:
Он батюшка нехорошово,
Матушки непросужиё,
Всево роду неумново⁵.

Более распространенные названия в XIX и XX веках были «корить» и «хаять». По законам древнего ритуала только девицы могут участвовать в пении величальных и корильных песен.

Этот древнейший обряд величания и хаяния стоит за картиной христианских народов, которые поют славу победоносному Святославу и «кают» князя Игоря за то, что он опустил русское золото на дно Каялы. Готские девицы позванивают русским золотом и поют славу тем, кто побеждает русских. Указание именно на «девиц» дает важный ключ к свадебному обряду как к источнику данного образа. Изображение поющих христианских народов перекликается поразительным образом с мотивом готских девиц:

Ту Нѣмци и Венедици,
ту Греци и Морава
поють славу Святъславлю,
кають Князя Игоря,

⁴ Мехнецов А. М., Балашиов Д. М., Калмыково Н. И., Марченко Ю. И. Кокшеньга (рукописные материалы Лаборатории народного творчества Ленинградской консерватории). Т. 1. С. 213.

⁵ Там же. Т. 2. С. 93. См.: Обрядовая поэзия Пинежья: Русские традиции фольклорных экспедиций МГУ в Пинежский район Архангельской области (1970—1972) / Под ред. Н. И. Савушкиной. М., 1980. С. 100, 276. См. также: Mann Robert. Lances Sing (с. 204, прим. 36).

иже погрузи жиръ во днѣ Каялы.
Рѣкы Половецкія Рускаго злата насыпаша.

...и въ морѣ погрузиста,
и великое буйство подасть Хинови.
Уже снесеса хула на хвалу;
уже тресну нужда на волю;
уже врѣжеса дивь на земаю.
Се бо Готскія красныя дѣвѣ въспѣша
на брезѣ синему морю,
звоня Рускымъ златомъ,
поють время Бусово,
лельють мечь Шароканю.
А мы уже дружина жадни веселія.

Тут же перед отрывком с готскими девицами упоминается переход с хвалы на хулу. Такое же чередование проявляется в величании и хаянии русских князей немцами и венецианцами. Также как прославление Святослава переходит в хаяние Игоря, готские девицы поют сначала хвалу победителям Буса, а потом переходят к отрицательной теме. Строки «поють время Бусово, лельють мечь Шароканю» — зеркальное отражение соответствующих строк в мотиве немцев и венецианцев: «поють славу Святъславаю, кають Князя Игоря». Следующие за ними строки — «А мы уже дружина жадни веселія» — существенно перекликаются с параллельными строками другого мотива: «иже погрузи жиръ во днѣ Каялы». Звуковые параллели между этими отрывками столь поразительны, что нужно говорить об общем прототипе для обоих мотивов. Два мотива созданы по одному общему песенному трафарету. Оба мотива упоминают о русском золоте. В первом мотиве золото опущено в Каялу и в половецкие реки. В другом варианте готские девицы позванивают русским золотом, когда поют на берегу моря. Реки и море, также как и Дон, из которого Игорь надеется пить, ассоциируются со свадебным вином. Русское войско насыщает половецкие реки золотом, также как величаемые гости на свадьбе насыпают в чашу монеты.

Метафорическая подоплека обоих мотивов — пение величальных и корильных песен на свадьбе и соответственное награждение певиц.

Каяла вовсе не реально существовавшая река, а метафора для места гибели, восходящая к древнерусскому обряду «каяния». Глагол же «каять» — впоследствии преобразовался в «хаять». Ключ к этому — очевидная игра словами «кають» и «Каяла». Еще один ключ — использование названия «Каяла» в другом контексте, где события разворачиваются далеко от того места, где Игорь претерпел поражение. Когда повествователь отступает от центрального сюжета, чтобы вкратце рассказать про битву на Нежатиной ниве, он упоминает о той же Каяле:

Съ тояже Каялы Святоплѣкъ по(л)елѣя отца своего между
Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

Эта Каяла не может быть той же рекой, где произошла битва 1185 г. Кроме того, авторы «Задонщины» ссылаются на Каялу в связи с битвой в третьем месте, на Калке:

Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родѣ Афѣтов. И оттоля Руская
земля сѣдитъ невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побои-
ща тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя помина-
юты... (Список У, с. 535)

Невероятно, чтобы три злополучных битвы произошли на трех различных Каялах. Никакой Каялы нет на карте. Как дает понять созвучие слов «кають» и «Каяла», это загадочное название реки — метафора, возникшая в древней поэтической системе, в которой военные события приобретали лирический оттенок обрядовых песен, причитаний и заклинаний. Река Каяла в этой метафорической системе соответствует чаше для вознаграждения певиц на свадьбе, а само название вызывает ассоциации с этими певицами, которые «хают» скупых.

В одном ряду с «Каялой» стоит термин «Хинова», которым обозначаются враги и в «Слове» и в «Задонщине». Однако так же

как Каялу приурочивают к различным регионам, *хинова* в «Слове» относят к половцам, а в «Задонщине» к татарам. Это не обыкновенный этноним, а пренебрежительный термин для ненавистного врага. Название — метафорическое, вытекшее из той же системы свадебных образов, из того же обряда величания и хаяния. Ведь один из терминов для пения корильных песен — *хинить*. В районе Вологоды это слово имеет различные производные (например, *охинить*, *похинить*). Можно указать и на родственные слова того же корня, как например: *хинью пойти* (т. е. пойти прахом), *ахиня*. Азбуковник XVI в. дает *хиновин* с определением «волчьи яблоки»⁶ («Задонщина» пренебрежительно называет Мамаю словом *хиновин*). Словенский и сербохорватский знают *хинявец* (лицемер) и *хинявски* (лицемерный). Во всех случаях эти слова, как и глагол *хинить*, имеют негативный оттенок. Сопоставляя *Хинова* и *Каяла*, можно заключить, что название *хинова* придает образу врага те же негативные черты, которые вызывает свадебный термин *хинить*. *Хинова* — это злые враги, достойные хинения. Интересно, что «Задонщина» дает еще форму *хинела* (список К-Б, с. 549), производную от глагола *хинить* (слово *хинела* фонетически идентично с *хинила* при ударении на первом слоге). Такая форма очень подходит для злой разлучницы-свахи, которую бранит невеста в свадебных песнях.

Ассоциации с ритуалами русской свадьбы начинаются при первом отправлении Игоря в поход:

Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хошу бо, рече, копіе приломити конец поля Половецкаго съ вами Русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону.

Так же как и в современном русском языке, слово *похоть* в древнерусском означало страсть, сексуальное стремление. Игорь горит

⁶ См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа. Т. 2 (1849). С. 190.

страстью наподобие жениха, который отправляется за своей невестой. Его желание «приложить голову» или «испити шеломомь Дону» развертывает дальше ассоциации со свадьбой. Как мы уже видели, битва-пир происходит на берегу быстрой Каялы, у Дона. Там, на берегу реки, русское войско угощает врага «кровавым вином», а само название реки (Каяла) предстает как метафора, связанная с винной чашей и с певицами на свадьбе. Ассоциативная связь рек и моря со свадебным вином продолжается в описании поющих народов. Можно также допустить, что формула «испити шеломомь Дону» не только выражает стремление воина стать победителем, но еще и ассоциирует Игора с женихом, желающим выпить на свадебном пиру. В формуле «главу свою приложити» бросается в глаза приставка *при-*, которая смягчает действие, вызывая ассоциации с укладыванием жениха и невесты на брачную постель — образом, которым заканчивается битва-пир.

После первой стычки с врагом русское войско спит:

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; не
былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный
воронъ, поганый Половчине.

Одна из самых замечательных параллелей, незамеченных исследователями, относится к этому отрывку «Слова». В одной свадебной песне жених с его дружиной изображаются соколами, унесшими маленькую птицу (невесту) ночью, пока все другие птицы спят. Данная песня имеет много вариантов, записанных в самых разных уголках России. Цитирую три варианта:

Как вечер перепелица,
Как вечер золотокрылая
Во саду перепелила.
Как поутру не рано
Вдруг не слышна ее стало.
Сокола прилетали,
Ее силою взяли.

И с большой-большой охотою
Ее соколу в когти дали.
Еще ясного учили:
— Ты владей нашей перепелкой,
Не давай ее в обиду
Ни соколам, ни воронам,
Никаким злым кукушкам⁷.

Вечор перепелочка
Во саду шекотала,
К утру бела света
Ее в тереме не стало.
Знать, к нашей перепелочке
Соколы прилетали,
Ее с собою взяли,
Кречету отдавали⁸.

Как вечер во садочке,
Как вечер во зеленом,
Перепелка младая
С перепелками пела.
Как на утренню свету
Перепелочки нету.
Не орлы налетали —
Перепелочку взяли.
Перепелочку взяли,
Соколу отдавали.
«Уж ты на, ясный сокол,
Младую перепелочку.
Не давай же в обиду
Младую перепелку

⁷ Потанина Р. П. Обрядовые песни русской свадьбы Сибири. Новосибирск, 1981. № 318.

⁸ Там же. № 319.

*Ни орлам, ни орлицам,
Ни мелким-то ты пташкам».*
Во высоком во тереме
Красна девица сидела
Со кумами, со подружками,
Со названными сестрицами.
Как на утренню свету
Красной девицы нету —
Бояра наезжали,
Молодцу отдавали:
«Уж ты на, молодец,
Уж ты на, удалой,
Молодую девицу,
Молоду красавицу.
Не давай-ка в обиду
Ни свекру, ни свекровке,
Ни деверьям, ни золовкам,
Ни чужим-то да людям»⁹.

Ночное время, действие во время сна, сходные формулировки со словом *обида* в сочетании с образами птиц, сходное перечисление птиц, сходные породы птиц — все это сближает свадебную песню с текстом «Слова». Ввиду значительной роли свадебной образности в других местах «Слова» можно сделать предположение, что в изображении спящего русского войска были использованы формулы свадебной песни. Как раз перед этим описывается первый набег русских на один из половецких станом. Русские «мосты мостят», постилая половецкие ткани «по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ». Возникает вопрос, не основана ли эта картина на «мощении мостов» женихом, который приносит своей невесте дары?¹⁰ Этим, скорее всего, объясняется странное перечисление трофеев, принесенных Игорю после первого набега:

⁹ Зырянов И. Чердынская свадьба. № 215.

¹⁰ Mann Robert. Lances Sing. Slavica Publishers. Columbus, 1989. P. 66—67.